

**Никита Геннадьевич
СКАЧКОВ,**

доцент кафедры
международного частного
права Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат
юридических наук, доцент
skanic@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ИНСТИТУТЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ И ВЕЩНЫХ ПРАВ В ТРАНСГРАНИЧНОЙ МОРСКОЙ ПЕРЕВОЗКЕ ОПАСНЫХ ГРУЗОВ

Аннотация. Настоящая статья посвящена практике заключения, а также исполнения договоров морской перевозки опасных грузов, осложненных иностранным элементом. Показано значение института коммерческого контракта для нейтрализации рисков наступления ущерба, применительно к судну, грузу, а также фрахту. Риски рассматриваются в качестве одного из дополнительных критериев определения применимого права, возникновения, изменения, а также прекращения юридических отношений. Регулятивная функция обеспечительных и обязательственных сделок включает в себя и вопросы титульного владения. Исследуется порядок осуществления имущественных прав в договоре морской перевозки опасных грузов. Выбор права носит тогда комплексный характер. Выделяются особо предпосылки применения наиболее компетентного закона, их место в статуте обязательства, значение автономии воли сторон.

Ключевые слова: коммерческие риски, наступление вреда, свобода заключения договора, обязательственные правоотношения, регулятивная функция сделки, распорядительные сделки, основной и предварительный договор, индивидуально-определенная вещь, титульное владение, обеспечительные сделки, автономия воли сторон.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.62.10.082-087

N. G. SKACHKOV,

Associate Professor of the Department of International Private Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Law, Associate Professor
skanic@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

INSTITUTIONS OF OBLIGATIONS AND SUBSTANTIVE RIGHTS IN THE TRANSBOUNDARY MARITIME TRANSPORT OF DANGEROUS GOODS

Abstract. This article is devoted to the practice of conclusion and execution of contracts for the carriage of dangerous goods by sea, complicated by a foreign element. The importance of the Institute of commercial contract to neutralize the risks of damage in relation to the ship, cargo, as well as freight is shown. Risks are considered as one of the additional criteria for determining the applicable law, occurrence, change, as well as termination

of legal relations. The regulatory function of security and obligation transactions also includes title issues. The article investigates the procedure for the implementation of property rights in the contract of carriage of dangerous goods by sea. The choice of law is then complex. The prerequisites for the application of the most competent law, their place in the Statute of obligations, the importance of the autonomy of the will of the parties are highlighted. Keyword: commercial risks, the occurrence of harm, the freedom to conclude an agreement, the legal relationship, the regulatory function of the transaction, administrative transactions, the main and preliminary contract, an individually defined thing, title deed, security transactions, autonomy of the will of the parties.

Морской перевозке опасных грузов всегда будут присущи синтез угроз и всевозможных отрицательных эффектов в организации транспортного процесса (соотношение чистой прибыли, а также убытков). Опасные грузы составляют не менее 70 % общего объема в цепочке поставок. К 2025 г. их объем в общемировом товарообороте достигнет более 6,8 млрд метрических тонн¹.

Даже самая подробная сертификация происхождения данной товарной партии тогда основывается на допустимости значений распределяемых при этом рисков: кредитного, а также рыночного, при явном преобладании опасности как доминантной юридической категории. Концептуально выстраиваемая линейка рисков видится элементом договорной работы, когда правовая, а также управленческая деятельность обуславливают одна другую. В условиях морской перевозки опасных грузов они позволяют проложить известный водораздел между категорией субъективных прав и свободой договора. Статья 284 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ РФ) в редакции от 27.12.2018 здесь представляет собой рецепцию норм Конвенции ООН о морской перевозке грузов от 31.03.1978 (Гамбургские правила).

Между тем минимизация рисков может оказаться малоэффективной, достаточно хозяйствующим субъектам противопоставить две их категории: договорную и неисполнения управленческих решений.

Согласно Концепции риск-ориентированного подхода к регулированию страхового сектора в Российской Федерации (утверждена Банком России 13.09.2017), катастрофическими стоит в этой связи признать целый ряд иных групп рисков, прежде всего тех, что классифицируются в качестве кредитных, операционных либо указывают на крайне низкий уровень ликвидности для экспортно-импортной сделки. Такие риски снижают эффективность требований к оценке дополнительного капитала. Начисление размеров страховых премий возможно, лишь если предварительно были сформированы значительные резервы на покрытие².

Соответственно, показатели страховой премии начисляются пропорционально создаваемому объему средств и по каждому из численных определений рисков

¹ Global. Cargo Shipping Industry // Report Linker. July 2019. 248 p. France.

² URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/16975/concept_of_implementation.pdf (дата обращения: 08.09.2019).

морской перевозки опасных грузов. Регрессивность их потенциала наглядна, а платежеспособность добросовестного страховщика только уменьшается. Регулятивная функция сделки тогда особо достойна упоминания. Составляющее ее волевое решение не только содержит определенный правовой смысл, но и позволяет контрагентам создавать юридические конструкции, определяющие с точки зрения немецкого правоведа К. Цвайгерта, а также его соавтора Х. Кётца, «правомерность контракта, сбалансированность взаимных обязательств его участников»³.

Резюмируя, стоит выделить необходимость подробной детализации прав, а также обязанностей субъектов хозяйственного оборота — каждый из них руководствуется теми же, в сущности, положениями договора, что и его партнер (согласно Германскому гражданскому уложению, пар. 338, аналогичные во многом нормы закрепляются и в ст. 1184 Французского гражданского кодекса). Социальное взаимодействие контрагентов упорядочивается с учетом их обоюдных интересов по выполнению тех положений договора, где и заключена презумпция наиболее выгодных условий данной сделки.

Постулируемое в качестве общего правила согласование воли участников контракта применительно к морской перевозке опасных грузов тем не менее не лишено особенностей. Выплаты по покупной, учетной цене перевозчику, а также грузополучателю едва ли оказываются возможными в силу наступления страхового случая. Имущественные расходы обуславливаются, скорее всего, основным договором, однако признание риска страховым осуществляется к моменту начисления сумм задолженности в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением предварительного договора. Соответственно, статут данного обязательства включает в себя процедуру перемещения имущества, риски невозвратной потери его владения и трудно прогнозируемую кумуляцию убытков.

Однако юридические императивы соотношения предварительного договора с основным, справедливого распределения обязанностей опосредуются в порядке той страны, где действующее между сторонами обязательство подверглось новации (согласно пар. 399 Германского гражданского уложения). Напротив, в соответствии со ст. 2645bis Гражданского кодекса Италии приобретатель товарной партии выбирает не просто национальное право, а закрепляемые при его посредстве инструменты правовой, процессуальной защиты от более высоких транзакционных издержек.

Непредсказуемость затрат *per se* (как таковое — *лат.*) иллюстрирует известную коллизию обеспечительных сделок и обязательственных правоотношений вследствие фактически недопоставки — выбытия индивидуально-определенной вещи из титульного владения (ее гибели). Приемка оставшегося имущества, стоит, обобщая, заметить, сводится к установлению продажной цены (*take or pay*) в зависимости от стоимости единицы товара. Получатель пользуется юридическим статусом собственника, однако правомочия титульного владельца утраченного имущества в какой-то мере сохраняются и за отправителем, тем более если именно он оплачивал основную разницу в дефиците страхового покрытия.

³ Цвайгерт К., Кёetz Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. 2. С. 12.

Так и формируются ставки рисков финансовых потерь, свободные от отлагательных условий, на стадии заключения договора. Как, не без оснований, считает А. С. Кокин, прекращение контракта в этот период времени случится не позднее назначенного прежде срока либо когда выяснится, что судно должно быть уже готово к отплытию⁴.

В то же время распоряжение сразу несколькими источниками повышенной опасности осуществляется согласно римской максиме *iustum dominium* (праведное владение — *лат.*). Как можно предположить, вместо перехода правомочий (под контролем владельца) предусматривается перенос бремени содержания имущества на потенциально новое лицо. Определение компетентного порядка изобилует тогда сложностями, хотя в Концепции совершенствования российского вещного права и сформулирована дефиниция приобретенной чужой вещи с точки зрения прежде всего права пользования (в контексте ст. 216 ГК РФ). Обеспечительная функция имущества здесь обозначена едва ли, хотя трехзвенная система права пользования, ожидаемых прав преимущественного приобретения и одновременно ограничения (прав) была сконструирована теми же пандектистами сравнительно давно.

«Держание», пишет В. М. Будилов, анализируя компаративистику юридических связей, соответственно, Германского гражданского уложения и Германского торгового уложения, — это «то абсолютное, элементарное, что залегает в основе всех предвидимых здесь дефиниций, придает им единство». Как утверждает исследователь, «подразумевается, главным образом, правовое состояние, само по себе оно может и не являться предметом законодательства»⁵.

Согласно Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, право, подлежащее применению, исходит из фактических действий по приобретению владения, допустим, удовлетворения претензий одного из участников договора на более прочный, «сильный» правовой титул (*estate*) в юридических отношениях. Внесение сюда риска погашения задолженности по процентам, много выше их номинальной стоимости, должнику, несомненно, выгодно. Как закрепляется по этому поводу в ст. 1345 Гражданского кодекса Франции, основные обеспечительные обязательства могут быть даже обособлены от вещных, стоит кредитору заключить договор страхования рисков наиболее капиталоемких расходов.

Напротив, в соответствии с Торговым кодексом Испании (ст. 908 и 909) вышеотмеченное обособление производится от имущественной массы законного владельца с последующим отчуждением свободных долей. Законодатель также упоминает о равнозначности процессов предоставления имущества его приобретению (ст. 1095 Гражданского кодекса Испании). В то же время, согласно ст. 46 Гражданского кодекса Португалии, возможность полноценного распоряжения вещью в основном сохраняется у кредитора, неважно, подразумевается ли как таковое имущество либо только права на него.

⁴ Кокин А. С. Международная морская перевозка: право и практика. 2-е изд., доп. и переработ. М. : Инфратропик Медиа, 2012.

⁵ Будилов В. М. Приобретение права собственности по договору в концепции вещного права Германии: к дискуссии о развитии российского вещного права. М. : Статут, 2015.

Нормы ст. 3:92 Гражданского кодекса Королевства Нидерландов (измененная редакция от 01.01.2012), как представляется, призваны поставить окончательную точку в вопросе о явной или скрытой предпочтительности той или иной модели преимущественных прав применительно к эмпирическим результатам ее инкорпорации в разных правовых системах. Согласно юридическому акту обязательственные контрактные условия неразрывны с обеспечительными. Они пролагают русло для исполнения той сделки, с какой формально связаны — договора, либо оптовой поставки товара, либо разовой купли-продажи. Исполнение одного из данных контрактов может сопровождаться настолько трудно компенсируемыми затратами, что кредитор неоднократно возлагает на себя покрытие разницы между показателями страховой суммы и понесенных потерь за выплаты должником расходов в рассрочку.

Покупатель (как правило, он и должник) не случайно стремится перенести риски на поставщика. От своевременного перевода средств, зачисления их на расчетный счет немалым образом зависит цельность договора. Продавец (следовательно, кредитор) также заинтересован в функциональной полноте сделки. Он согласует контракт, руководствуясь ст. 319.1 ГК РФ (внесена Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ), где последовательно выстраиваются несколько групп договорных обязательств. Первой приводится их классификация в качестве срочных, она, сто́ит заметить, максимально адаптирована к положениям ст. III — 2:110 Модельных правил европейского частного права. Такая категория, как долговые (обязательства), независимо от того, обеспечены ли они исполнением договора либо нет, завершают перечень.

Выбор права, как сформулировано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», осуществляется тогда комплексно. Один из ключевых институтов МЧП — автономия воли сторон — создает в итоге логические предпосылки применения наиболее компетентного закона, они вытекают из статута обязательства того или иного лица по формализации размеров ущерба.

Обеспечительный статут не столь интенсивно подвергается воздействию норм, востребованных в силу характера правоотношений, когда одно применимое право, по выбору, исключает собой другое. Достаточно хорошо известна точка зрения исследователя А. Флеснера, убежденного в стойкости изъянов правового регулирования обеспечительных отношений, если субъекты оборота отождествляют применение права с одной только автономией воли сторон⁶.

Именно в этом своем качестве — определенности, предсказуемости выбора права сторонами контракта, придания контрагентам наилучшего положения при определении наиболее подходящих к применению свода норм законодательства — автономия воли сторон и рассматривается в Гаагских принципах о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам (2015 г.).

Как закрепляется в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г., избранная юрисдикция чаще всего ограничивается той националь-

⁶ *Flessner A. Choice of Law in International Property Law — New Encouragement from Europe // Party Autonomy in International Property Law / ed. by R. Westrik, J. van der Weide. Munich, 2011. P. 21.*

ной правовой системой, где тарифные коэффициенты достигают предельной величины, при обновлении приемов управления профильными рисками каждого нового объекта обязательного страхования. Следует тогда избегать механического сочетания разных компонентов, многообразия предметов доказывания понесенного ущерба, насколько они закладываются в диспозиции правовой нормы законодательных актов, чреватых устойчивым дисбалансом статуса потерпевшей стороны.

Согласно Регламенту «Рим II» целеполагающие решения (автономия воли является составной их частью) принимаются сразу после наступления события, повлекшего за собой вред. Указание на столь непродолжительный период времени много меньше, чем могла бы занять оценка основных рисков, сразу порождает вопрос о решающих критериях определения права, подлежащего применению. Классическое «место исполнения» побуждает продолжить выбор, сделать его в пользу той юрисдикции, где были предприняты некие действия, направленные на обеспечение исполнения обязательств. Автономия воли не просто очерчивает тогда намерения контрагентов исходя из наличия соглашения. Она указывает на необходимость применения материального права того, что возводит добросовестность заключения контракта в разряд обоснованного единства договорных коллизионных привязок.

Формула прикрепления *lex rei sitae* не менее востребована, преимущественно для собственника, осведомленного о пределах долженствования своих полномочий при отчуждении обязательственных требований. Но обеспечительная ее ценность сопоставима с возможностью нивелирования рисков разве что невозвратной потери владения. Тогда как обеспечительная сделка допускает прямую выгоду от волеизъявлений контрагента, разрешительных в силу указания закона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Будилов В. М.* Приобретение права собственности по договору в концепции вещного права Германии: к дискуссии о развитии российского вещного права. — М. : Статут, 2015.
2. *Кокин А. С.* Международная морская перевозка: право и практика. — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Инфратропик Медиа, 2012.
3. *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. — М., 2000. — Т. 2.
4. *Flessner A.* Choice of Law in International Property Law — New Encouragement from Europe // Party Autonomy in International Property Law / ed. by R. Westrik, J. van der Weide. — Munich, 2011.
5. Global Cargo Shipping Industry // Report Linker. — July 2019. — 248 p. — France.

